

Мир приключений

Оскар УАЙЛЬД

Портрет
Дориана Грея

Оскар Уайльд
Портрет г-на У.Г.

«Public Domain»

Уайльд О.

Портрет г-на У.Г. / О. Уайльд — «Public Domain»,

«Портрет г-на У. Г.» – это прелестное полуэссе, полумистификация, заключенная в изящную рамку уайльдовской прозы, где адресатом сонетов объявлен Уильям Гюз (Хьюз), юноша-актер, исполнявший по тогдашнему обычаю женские роли.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Оскар Уальд

Портрет г-на У. Г.

I

Пообедав с Эрскином в его небольшом уютном домике на Бердкейдж-Уок, мы сидели и беседовали в библиотеке, куда подали кофе и папиросы. Случилось так, что речь зашла о литературных подделках. Теперь уже не скажу, что натолкнуло нас на эту несколько необычную – при таких обстоятельствах тему, но помню точно, что мы долго говорили о Макферсоне, Айерленде и Чаттертоне, причем в отношении последнего я настойчиво доказывал, что его так называемые подделки суть не что иное, как попытка добиться совершенства художественного воплощения, что мы не вправе спорить с автором по поводу формы, избранной им для своего произведения, и что, поскольку всякое Искусство является, до известной степени, действием – стремлением достичь самовыражения в некоей области воображаемого, свободной от досадных помех и ограничений реальной жизни, то осуждать художника за подделку – значит смешивать этическую проблему с проблемой эстетической.

Эрскин, который был много старше меня и до сих пор слушал с насмешливо-почтительным видом умудренного жизнью сорокалетнего человека, вдруг положил мне руку на плечо и спросил:

– Ну, а что бы ты сказал о молодом человеке, который имел странную теорию об одном произведении искусства, верил в нее и прибег к подделке, чтобы Доказать свою правоту?

– О, это совсем другое дело, – ответил я.

Несколько мгновений Эрскин молчал, глядя на тоненькую серую струйку дыма, поднимающуюся с Кончика его папиросы.

– Да, пожалуй, – промолвил он после паузы, – совсем другое.

Что-то в тоне его. голоса – быть может, легкий оттенок горечи, – возбудило мое любопытство.

– А ты что, знал когда-нибудь такого человека? – спросил я.

– Да, – отозвался он, бросая папиросу в камин. – Я говорил о моем близком друге, Сириле Грэхэме. Он был очень обаятелен, очень сумасброден и очень бессердечен. Однако именно он оставил мне единственное наследство, которое я получил за всю жизнь.

– И что же это было? – поинтересовался я.

Эрскин поднялся с кресла, подошел к стоявшему в простенке между двумя окнами высокому инкрустированному шкафу, отпер его и тотчас вернулся, держа в руке небольшой, писанный на доске портрет, заключенный в старинную, немного потемневшую раму елизаветинского стиля.

На портрете был изображен в полный рост юноша в костюме шестнадцатого века. Он стоял у стола, положив правую руку на раскрытую книгу. Лет семнадцати на вид, он поражал необычайной, хотя и несколько женственной красотой. Собственно, если бы не одежда и коротко подстриженные волосы, лицо его, с мечтательными печальными глазами и тонко очерченным алым ртом, можно было бы принять за лицо девушки. Манерой, в особенности тем, как были написаны руки, картина напоминала позднего Франсуа Клуэ. Причудливый узор золотого шитья на черном бархатном камзоле и ярко-синие переливы фона, который так чудесно оттенял цвет костюма, сообщая ему какую-то светящуюся прозрачность, были вполне в духе Клуэ; да и две маски – Трагедии и Комедии, – несколько нарочито помещенные на переднем плане, подле мраморного столика, отличала та строгость мазка и линий, столь непохожая на легкое изящество итальянцев, которую великий фламандский мастер так и не утратил полно-

стью, даже живя при французском дворе, и которая сама по себе всегда была характерным признаком северного темперамента.

– Прелестная вещица, – заметил я. – Но кто же этот очаровательный юноша, чью красоту так счастливо сохранило для нас Искусство?

– Перед тобой портрет господина У. Г., – с грустной улыбкой ответил Эрскин.

Не знаю, возможно, то была всего лишь случайная игра света, но мне показалось, что в глазах его блеснули слезы.

– Господина У. Г., – повторил я. – А кто он такой, этот У. Г.?

– Неужели не помнишь? Посмотри на книгу у него под рукой.

– Там как будто что-то написано, вот только не разберу что, – откликнулся я.

– Вот лупа, попытайся разглядеть, – сказал Эрскин, лицо которого не покидала все та же грустная улыбка.

Я взял лупу и, придвинув лампу поближе, принялся с трудом читать рукописные строчки, выведенные замысловатой старинной вязью: «Тому единственному, кому обязаны появлением нижеследующие сонеты...»

– Боже милостивый! – воскликнул я. – Да не шекспировский ли это У. Г.?

– Так говорил и Сирил Грэхэм, – пробормотал Эрскин.

– Но ведь юноша ничуть не похож на лорда Пемброка, – возразил я. – Я же отлично знаю портреты из Пенхерста. Не далее как несколько недель назад мне довелось побывать в тех местах.

– А ты и в самом деле полагаешь, что сонеты посвящены лорду Пемброку?

– Совершенно в этом уверен, – ответил я. – Пемброк, сам Шекспир и г-жа Мэри Фиттон как раз и есть те три фигуры, что выступают в сонетах; на этот счет не может быть никаких сомнений.

– Что ж, я с тобой согласен, – сказал Эрскин, – но так я считал не всегда. Когда-то я верил – да, пожалуй, когда-то я верил в Сирила Грэхэма и его теорию.

– В чем же она состояла? – спросил я, глядя на прекрасный портрет, который уже начинал как-то странно меня завораживать.

– О, это длинная история, – ответил Эрскин, забирая у меня портрет, как мне показалось тогда, довольно неучтиво, – очень длинная история. Но если хочешь, я тебе ее расскажу.

– Меня всегда очень занимали всякие теории относительно этих сонетов, – сказал я, – но теперь я вряд ли поверю в какую-либо новую идею. В деле этом уже ни для кого нет загадки. Да и была ли она там когда-нибудь вообще, сказать трудно.

– Раз уж я сам не верю в эту теорию, тебя мне и давно не убедить, – рассмеялся Эрскин. – Однако она все же не лишена интереса.

– Конечно, рассказывай, – согласился я. – Если история хоть вполовину так хороша, как портрет, я буду более чем доволен.

– Ну что ж, начну, пожалуй, с того, – сказал Эрскин, зажигая новую папиросу, – что поведаю тебе о самом Сириле Грэхэме. Познакомились мы в Итоне, где жили в одном пансионе. Я был на год или два старше, однако нас связывала теснейшая дружба, и мы не разлучались ни в играх, ни в трудах. Разумеется, игр было гораздо больше, чем трудов, но не могу сказать, чтобы я об этом сожалел. Не получить основательного образования в общепринятом смысле слова – всегда преимущество, и то, что я приобрел на игровых площадках в Итоне, пригодилось мне ничуть не меньше, чем все, чему меня научили в Кембридже. Надо тебе сказать, что ни отца, ни матери у Сирила не было. Они погибли, когда их яхта потерпела ужасное крушение у берегов острова Уайт. Отец его был на дипломатической службе и женился на дочери – кстати, единственной – старого лорда Кредитона, который по смерти родителей Сирила стал его опекуном. Не думаю, чтобы лорд Кредитон очень любил Сирила. Он так до конца и не простил дочери, что она вышла замуж за человека без титула. Это был чудаковатый старый аристократ, который

ругался, как уличный торговец, а манерами походил на деревенского мужлана. Помню, как однажды я повстречался с ним в Актовый день. Он что-то буркнул, сунул мне в руку соверен и выразил это желание, чтобы я не вырос «дрянным радикалом» вроде моего отца. Сирил не питал к нему особой привязанности и весьма охотно проводил большую часть каникул у нас в Шотландии. Да и вообще с дедом они никогда не ладили. Сирил считал его грубияном, а он его – изнеженным мальчишкой. Наверное, в некоторых отношениях Сирил и вправду был изнежен, что, впрочем, не мешало ему превосходно ездить верхом и отменно фехтовать. Собственно, великолепно владеть рапирой он научил ся еще в Итоне. Однако вид он имел женственно томный, немало гордился своей красотой и испытывал глубокую неприязнь к футболу. Две вещи доставляли ему истинное наслаждение – поэзия и актерская игра. В Итоне он имел обыкновение наряжаться в старинный костюм и читать из Шекспира, а когда мы отправились продолжать учебу в Тринити-колледж, он в первом же семестре вступил в Любительское театральное общество. Помнится, я всегда очень завидовал его искусству. Я был до нелепого привязан к Сирилу – вероятно, потому, что в чем-то мы были так несхожи. Я был нескладным хилым юношей с огромными ступнями и ужасно веснушчатый лицом. В шотландских семьях веснушки передаются из поколения в поколение, как в английских – подагра. Сирил, однако, говорил, что из этих двух напастей предпочитает все же подагру. Внешности он действительно придавал до смешного большое значение и однажды даже прочел в нашем дискуссионном обществе эссе, в котором доказывал, что лучше хорошо выглядеть, чем хорошо поступать. Сам он был, право же, изумительно красив. Люди, не любившие Сирила, – пошлые глупцы, университетские наставники и студенты, готовившиеся к духовному поприщу, – говорили, что он миловиден, и только, но на самом деле в лице его было нечто гораздо большее, нежели обыкновенная миловидность. Я никогда, кажется, не знал более обворожительного создания, и сравниться с ним в грациозности движений и изяществе манер не мог решительно никто. Он очаровывал всех, кого стоило очаровывать, и очень многих, кто этого не заслуживал. Часто он бывал своенравен и капризен, я же считал его чудовищно неискренним. Последнее, полагаю, было в основном следствием его безмерного желания нравиться. Бедный Сирил! Как-то я сказал ему, что он находит удовольствие в успехах весьма невысокого сорта, но он лишь расхохотался в ответ. Он был ужасающе испорчен. Думаю, впрочем, что все обаятельные люди испорчены. В этом и кроется секрет их привлекательности.

Однако пора рассказать об игре Сирила. Тебе, конечно, известно, что женщин в Любительское театральное общество не принимают. Во всяком случае, так было в мое время. Не знаю, как обстоит дело сейчас. Ну и, разумеется, женские роли всегда доставались Сирилу. Когда ставили «Как вам это понравится», он играл Розалинду. В этой роли он был великолепен. Собственно говоря, Сирил Грэхэм был единственной безупречной Розалиндой из тех, что мне довелось видеть. Невозможно описать тебе всю прелесть, всю утонченность, всю изысканность его игры. Она произвела невообразимую сенсацию, и скверный маленький театрик, где тогда давала представления труппа, каждый вечер был переполнен. Даже сейчас, читая пьесу, я не могу не думать о Сириле. Она была точно специально для него написана. На следующий год он окончил университет и уехал в Лондон готовиться к поступлению на дипломатическую службу. Но душа у него не лежала к занятиям. Целыми днями он читал сонеты Шекспира, а по вечерам отправлялся в театр. Разумеется, больше всего на свете он хотел стать актером. Однако я и лорд Кредитон сделали все, что в наших силах, чтобы ему помешать. Кто знает, пойдя Сирил на сцену, возможно, он был бы жив до сих пор. Давать советы, знаешь ли, вообще глупо, разумные же советы – просто губительно. Надеюсь, ты не совершишь подобной ошибки. А если все-таки совершишь, то очень в этом раскаешься.

Впрочем, перейду к тому, что составляет суть этой истории. Однажды я получил от Сирила письмо с просьбой в тот же вечер приехать к нему на квартиру. Он занимал несколько прекрасных комнат на Пикадилли, выходивших окнами на Грин-парк. Поскольку я и так бывал

у него каждый день, меня, признаться, удивило то, что он дал себе труд написать мне. Я, конечно, приехал и застал моего друга в состоянии величайшего волнения. Он объявил, что разгадал наконец тайну шекспировских сонетов, что все знатоки и критики пошли по совершенно ложному пути и что он первый, опираясь лишь на сведения, содержащиеся в самих сонетах, открыл, кто был в действительности господин У. Г. Он был прямо-таки вне себя от восторга и долго не хотел объяснять, в чем заключается его теория. В конце концов он принес целую кипу заметок, взял с камина томик Шекспира, устроился в кресле и прочел мне длинную лекцию по столь заинтересовавшему его предмету.

В самом начале он указал на то, что молодой человек, которому Шекспир посвятил эти полные необычайной страсти стихи, должен быть кем-то, кто сыграл поистине исключительную роль в развитии его драматического таланта, и что подобного нельзя сказать ни о лорде Пемброке, ни о лорде Саутгемптоне. Кто бы он ни был, он не мог принадлежать к знатному роду, о чем достаточно ясно свидетельствует 25-й сонет, где Шекспир, сравнивая себя с «любимцами сиятельных вельмож», прямо говорит:

Пускай обласканный счастливою звездою
Гордится титулом и блеском славных дел,
А мне, лишенному даров таких судьбою,
Мне почесть высшая досталась в удел, —¹

и в конце сонета радуется тому, что человек, внушивший ему такое обожание, из простого сословия, и дружбе их не грозят капризы фортуны:

Но я любим, любя, и жребий мой ценю,
Он не изменит мне, и я не изменю².

Этот сонет, заявил Сирил, был бы совершенно непонятен, если предположить, что адресован он лорду Пемброку или графу Саутгемптону, – ведь и тот, и другой стояли на высшей ступени английского общества и могли быть с полным основанием названы «сиятельными вельможами». В подтверждение своей точки зрения он прочел мне 124-й и 125-й сонеты, где Шекспир говорит, что его любовь не «дитя удачи» и что ее «не создал случай». Я слушал с живым интересом, ибо не думаю, чтобы кто-нибудь раньше обратил внимание на эти факты, однако дальнейшее было еще любопытнее и, как мне показалось тогда, лишало всяких оснований притязания Пемброка. Ми-ерс передает, что сонеты были написаны до 1598 года, а из сонета 104-го явствует, что дружба Шекспира с господином У. Г. началась тремя годами раньше. Но лорд Пемброк, родившийся в 1580 году, не бывал в Лондоне до восемнадцати лет, то есть до 1598 года; Шекспир же, видимо, познакомился с господином У. Г. в 1594 или, самое позднее, в 1595 году и, следовательно, не мог встречаться с лордом Пемброком до того, как были написаны сонеты.

Сирил отметил также, что отец Пемброка умер только в 1601 году, тогда как строка:

Был у тебя отец, так стань и ты отцом³... —

ясно говорит о том, что в 1598 году отца господина У. Г. уже не было в живых. Помимо всего прочего, было бы нелепо думать, будто в те времена какой-либо издатель, – а посвяще-

¹ Перевод В. Мазуркевича.

² Перевод С. Маршака.

³ Стихи, не отмеченные знаком сноски, даны в переводе С. Силищева.

ние написано именно издателем, – дерзнул бы обратиться к Уильяму Герберту, графу Пемброку, как к «господину У. Г.». То, что лорда Бакхерста однажды назвали просто «господином Сэквиллом», едва ли может служить уместным примером, ибо лорд Бакхерст был не пэром, а лишь младшим сыном пэра и носил всего только «титул учтивости», да и то место в «Английском Парнасе», где его так называют, упоминая лишь вскользь, никак нельзя сравнить с торжественным официальным посвящением. Так было покончено с лордом Пемброком, чьи воображаемые притязания Сирил легко развеял в прах; я слушал в изумлении. Лорд Саутгемптон доставил ему еще меньше затруднений. Уже в ранней юности Саутгемптон стал любовником Элизабет Вер-нон и потому не нуждался в столь настойчивых уговорах подумать о продолжении рода; он не был красив или похож на мать, как господин У. Г.:

Для матери твоей ты зеркало такое же.
Она в тебе апрель свой дивный узнает⁴, —

и, самое главное, получил при крещении имя Генри, в то время как построенные на игре слов сонеты 135-й и 143-й подсказывают, что друга Шекспира звали так нее, как его самого, – Уилл.

⁴ Перевод В. Лихачева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.